

В Павильоне Циндай Чан Ян проверил пульс Лу Цяосуна, и его диагноз был точно таким же, как у Линь Цинъюй. Однако он не был таким прямолинейным, как Линь Цинъюй, только сказав: «Третий молодой мастер Лу переутомлен. Кроме того, за этот период он выпил много алкоголя, и это привело к расстройству желудка. К счастью, третий молодой мастер Лу молод и здоров. В течение следующих нескольких дней вовремя принимайте лекарства, соблюдайте легкую диету, очистите сердце и умерьте желания – и через несколько дней вы полностью восстановитесь».

Лу Няньтао улыбнулась и сказала: «Извините за беспокойство, лекарь Чан».

«Тогда я выпишу рецепт».

Лу Няньтао кивнула и как будто случайно спросила: «Я слышала, как лекарь Чан называл мою невестку „шисюн“?»

Чан Ян на мгновение заколебался и сказал: «То, что сказала вторая молодая леди, правда*. Шаоцзюнь из вашего благородного дома и я учились у одного наставника. Но мы уже давно не общаемся».

[Примечание: Более буквальный перевод – «Я не скрываю этого от второй молодой леди». Это стандартная фраза.]

Лу Няньтао улыбнулась и сказала: «Какое совпадение. Неудивительно, что лекарь Чан так обрадовался, когда увидел невестку».

Чан Ян: «...»

Он выписал рецепт и собрался уходить, но Лу Няньтао сказала: «Лекарь Чан – соученик невестки. Почему бы вам не сходить в Павильон Голубого Ветра, чтобы повидаться с невесткой перед уходом?»

Чан Ян вспомнил «Поговорим позже», которое только что сказал ему Линь Цинъюй, и решил не отказываться: «Спасибо за вашу доброту, вторая юная леди».

Лу Няньтао приказала слуге отвести Чан Яна в Павильон Голубого Ветра. Затем она попросила разыскать другого лекаря, чтобы тот пришел и приготовил лекарство в соответствии с рецептом этого лекаря. После этого она собственноручно приготовила чашу супа из ласточкина гнезда и отнесла его Наньань Хоу, который все еще корпел над официальными документами, даже когда отдыхал и мылся*. Пока Наньань Хоу был спокоен и доволен, она рассказывала о том, как Лу Цяосун лежал больной в постели. О том, как ее мать потеряла всякий аппетит от крайнего беспокойства; она уже сильно похудела. И как ее бедный третий брат в бреду во время болезни продолжал звать свою мать.

[Примечание: 休沐 / xiūmù - отдыхать и мыться (напр. после окончания рабочей недели, декады). В древние времена чиновники брали перерыв для купания на пять-десять дней.]

Услышав это, Наньань Хоу проникся состраданием. Два месяца прошло с момента инцидента с подарком на день рождения Чэнь Гуйфэй. Лян Ши размышляла о своих ошибках за закрытыми дверями, чтобы знать свое место. Но, в конце концов, она все еще оставалась главной женой резиденции Хоу, номинальной матерью его троих детей; поэтому он должен оставить ей немного лица.

«Твоя мать так долго восстанавливалась, ей наверняка уже должно быть лучше, — спокойно сказал Наньань Хоу, — но она все еще слаба, поэтому ей не нужно беспокоиться об управлении делами резиденции».

После того, как с Лян Ши сняли запрет покидать свои комнаты, она немедленно бросилась в Павильон Циндай. Узнав об истинной причине болезни Лу Цяосуна, она мгновенно пришла в ярость.

«Ты забыл, как тебя наставлял мастер Хоу после того, как ты провалил императорские экзамены? У тебя все еще хватает наглости отправиться на поиски приятного времяпрепровождения в „Цзяо Фан Си*“! О чем ты думаешь, позволяя этим сомнительным потаскушкам высосать тебя досуха!»

[Примечание: Во времена династии Мин это было что-то вроде борделя, принадлежащего правительству. Он начинался как место для обучения женщин искусству, пению, танцам и т.д., чтобы стать артистами для чиновников. Но со временем некоторые из женщин пользовались благосклонностью чиновников и становились наложницами. Многие женщины затем научились бы служить этим чиновникам, стремясь выйти замуж в богатых семьях. То, что начиналось как приличное заведение, постепенно сошло на нет; по сути, оно превратилось в бордель. Не все женщины были там добровольно, некоторые были захвачены в плен во время войн, некоторые были бедными гражданскими лицами и т. д. Он также начинался как чисто для чиновников, но постепенно был открыт и для ученых.]

Когда его подобным образом тыкала носом и строго отчитала его родная мать, ученый в Лу Цяосуну был пристыжен и разгневан: «Во-первых, у меня никогда не было никаких серьезных проблем. Это Линь Цинъюй добавил масла и сказал перед слугами, что я... Ученый предпочтет смерть унижению. Я клянусь, что эта ненависть будет отомщена, или мне не быть человеком и не жить в мире!»

«Не говори больше об этом, — спокойно сказала Лу Няньтао. — Маму освободили из заточения. Это хорошо».

«Какая польза от освобождения? — Лян Ши вздохнула. — Теперь твой отец мне не доверяет. Семья твоих бабушки и дедушки по материнской линии бесполезна. После прошлого раза твой отец больше никогда не был в моей комнате. Он, вероятно, проводит все свое время в Павильоне Спящей Луны».

Лу Нянтао беспомощно сказала: «Мама, сколько раз я вам говорила? Бездетная наложница не представляет для вас никакой угрозы. Это жена старшего брата... Теперь мелкие дела резиденции решает Пань Ши, но главные дела находятся в руках невестки. Мама. Если вы хотите вернуть себе право управлять резиденцией, ваше внимание должно быть сосредоточено на невестке».

Полный негодования Лу Цяосун сказал: «Я не понимаю, Линь Цинюй – супруга-мужчина Чун Си. Его отец – всего лишь Пань Юань пятого класса из Императорской лечебницы. Как он мог так обыграть вас всех?»

Лу Нянтао взглянула на Лян Ши и сказала: «Я тоже хочу спросить об этом. Мама, почему вы не сказали мне заранее, что вы делали с Лю-момо?»

Лян Ши знала, что ее дочь была чрезвычайно умна, и перед ней она могла только беспрекословно слушаться.

«Я... Конечно, я боялась побеспокоить тебя».

«Если бы вы сказали мне об этом заранее, я бы определенно остановила это. Я спросила лекаря Чжана, и он сказал, что старший брат не доживет до следующего года. Тогда нам просто нужно подождать. Почему вы так торопитесь? А теперь вы даже не можете как-то влиять на руководство резиденцией. И вы потеряли доверие отца. Даже после того, как старший брат уйдет, Пань Ши и его жена все еще будут здесь, как можно закрыть небо одной рукой*?»

[Примечание: 一手遮天 / yīshǒu zhē tiān - одной рукой закрывать небо 1) пользоваться неограниченной властью, единолично распоряжаться; 2) держать народ в неведении, скрывать правду.]

Оглядываясь назад, Лян Ши тоже подумала, что Лю-момо подтолкнула ее к тому, чтобы ее сердце покрылось салом*.

[Примечание: Впасть в замешательство.]

Лу Цяосун сказал: «Что сделано, то сделано. Какой смысл тебе сейчас отчитывать маму? Лучше вложить все эти усилия в размышления о том, как вернуть себе власть над домашними делами. В этом месяце я получил всего триста таэлей. Как этого может быть достаточно?»

Лу Нянтао немного подумала и сказала: «Возможно, у меня есть способ. Может быть, я смогу попробовать».

Лян Ши поспешно спросила: «Каким образом?»

Лу Няньтао мягко сказала: «Продолжайте позволять этому лекарю Чану лечить болезнь третьего брата».

В спальне Павильона Голубого Ветра Линь Цинюй держал в руке кисть, выписывая рецепт. Лу Ваньчэн, который уже почти заснул, открыл глаза, желая перед сном снова взглянуть на красивого человека.

«Что ты пишешь?»

«Рецепт».

Лу Ваньчэн растерянно уставился на него.

«Хм? Ты снова собираешься дать мне новое лекарство? Что за лекарство на этот раз?»

Линь Цинюй прищурил глаза.

«Лекарство, чтобы оживить обстановку*».

[Примечание: Чтобы добавить веселья – обычно используется в сексуальном контексте.]

Лу Ваньчэн: ?

Линь Цинюй усмехнулся: «Твой третий брат сказал, что ты не можешь удовлетворить меня, поэтому я оклеветал его, сказав об истощении почек».

Лу Ваньчэн: ???

В это время вошла Хуа Лу, чтобы передать сообщение, прервав «вопросительные знаки» Лу Ваньчэна. Она сказала, что во дворе ждет лекарь Чан и просит о встрече с шаоцзюнем.

«Это мой шиди, — сказал Линь Цинюй, — я пойду к нему. Ты можешь вздремнуть».

Лу Ваньчэн сглотнул и сказал: «О, хорошо».

Он снова закрыл глаза, но почему-то ему больше не хотелось спать. Хуа Лу тихо и бесшумно подошла к кровати, думая о том, чтобы подоткнуть для него одеяло. Внезапно она услышала, как он позвал: «Хуа Лу».

Хуа Лу подпрыгнула от испуга и воскликнула: «Молодой господин? Вы еще не спите».

Обычно в этот час, по словам шаоцзюня, молодой мастер должен спать мертвым сном.

Лу Ваньчэн сел, обнял подушку и спросил: «Когда ты поменяла подушки на зеленые? Это создало у меня иллюзию зеленой макушки».

«Какого цвета подушки хотел бы молодой мастер? Я поменяю их для вас».

Лу Ваньчэн задумчиво посмотрел в окно.

«Я подумаю об этом».

Линь Цинюй принял Чан Яна в главном зале. Среди учеников их мастера Линь Цинюй и Чан Ян были приняты в один и тот же год, и их отношения были немного ближе, чем с другими соучениками. Спустя два года молодой человек перед ним стал явно выше и смуглее, но насколько сейчас изменилась его собственная жизнь... Думая об этом, Линь Цинюй неизбежно почувствовал себя немного грустно.

«Шици стал выше...» — Линь Цинюй сделал паузу. Он вспомнил, как кто-то называл его «Гао шици». Внезапно он больше не мог говорить и даже хотел рассмеяться.

Лу Ваньчэн почти никогда не занимался серьезными делами, но его навыки промывания мозгов были на высоте.

Чан Ян не знал, что внимание Линь Цинюй уже было отвлечено чем-то другим. Он пристально посмотрел на Линь Цинюй, его грудь была полна волнующих переживаний.

Тот все еще оставался шисюном в его памяти, твердым и внушительным, его голос немного холоден; он – мужчина, но его лицо можно описать как «красивое, но холодное*». Жаль, что, хотя человек не изменился, изменились обстоятельства. Всего за два коротких года его любимый шисюн стал супругой больного молодого мастера Хоу. Как он мог это принять?

[Примечание: Фразировка здесь используется специально для описания женщин.]

Если бы он знал, что его шисюн когда-нибудь выйдет замуж за мужчину и станет чьей-то женой, он бы давным-давно сделал предложение. Зачем он все эти годы терпел?

По сравнению с ним Линь Цинюй казался намного спокойнее: «Когда шиди прибыл в столицу?»

Всевозможные чувства переполняли сердце Чан Яна. Он сказал: «В конце прошлого года я попрощался с мастером и вернулся в Линань, проведя Новый год с родителями, я, ни на минуту не останавливаясь, поспешил в столицу. Сначала я отправился в резиденцию Линь, но твой отец сказал, что ты уже...»

Линь Цинюй спросил: «Мастер, как он?»

«Мастер все еще силен и энергичен, несмотря на свой возраст. Просто, шисюн, ты... — Чан Ян понизил голос, его глаза не могли скрыть эмоций. — Шисюн, я знаю, что тебя вынудили к этому. Императорский указ не оставил тебе иного выбора, кроме как согласиться на брак».

Воссоединившись после столь долгого времени, Линь Цинюй не хотел говорить об этом со своим младшим: «Хватит говорить об этом».

Чан Ян пропустил его слова мимо ушей и сказал: «Никто не знает шисюна лучше, чем я. Я хорошо знаю амбиции шисюна. Видя, что шисюн попал в такую ужасную ситуацию, я не закрывал глаза целыми днями и ночами».

Нахмурившись, Линь Цинюй сказал: «Шиди».

«Я уже придумал способ. Я хочу забрать тебя из резиденции Хоу. Мы можем, как в прошлом, путешествовать вместе по всем уголкам мира...»

Линь Цинюй уже собирался прервать его, когда вмешался мужской голос: «О чем вы говорите? Не могли бы вы посвятить и меня в это? Я тоже хочу послушать».

Двое повернулись на звук. Они увидели Лу Ваньчэна, безукоризненно одетого, с роскошью и элегантностью, подобающими дворянину.

«Цинюй, ты не представишь меня?»

Линь Цинюй его появление показалось немного странным. Как Лу Ваньчэн поднялся с постели в такой час?

«Шиди, это молодой мастер Хоу; молодой мастер Хоу, это мой шиди».

Простое и понятное представление, ни единого слова больше, чем необходимо.

Чан Ян сложил руки в знак почтения и сказал: «Приветствую молодого мастера Хоу».

Лу Ваньчэн сразу же отбросил церемонии* и со смехом сказал: «Привет, шиди».

[Примечание: Буквально «не относиться к кому-то как к постороннему».]

Странное выражение вспыхнуло в глазах Чан Яна. Он улыбнулся и сказал: «Я молюсь, чтобы молодой мастер Хоу не понял меня неправильно. — Он посмотрел на профиль Линь Цинюй. — Шисюн и я выросли вместе. Мы разделяем братскую любовь друг к другу; наши отношения глубже, чем у обычных людей. Прошло много времени с тех пор, как мы виделись в последний раз, и мы потеряли счет времени разговаривая. Надеюсь, мы не побеспокоили молодого мастера Хоу?»

Братская любовь? Хех, ты думаешь, Лао-цзы прочитал недостаточно романов, чтобы знать, что быть шисюном – занятие с высоким риском?

Мы все здесь – тысячелетние лисы, не нужно вести себя так таинственно, разыгрывая «Повести о странном из кабинета Ляо»*.

[Примечание: Сборник новелл 17 века, автор – Пу Сунлин, известный в мире как г-н Ляочжай, 1640-1715, китайский писатель.]

Лу Ваньчэн сохранил улыбку на лице, спросив: «Неправильно понял? Что я могу неправильно понять? Я молюсь, чтобы шиди не понял меня неправильно, что я пойму тебя неправильно».

Теперь, когда Лу Ваньчэн был здесь, Чан Ян, естественно, не мог продолжать их разговор. Он сказал: «Кстати, шисюн, когда мастер путешествовал по Южно-Китайскому морю, он открыл лекарство, которое оказывает чудесное действие при лечении туберкулеза».

Лицо Линь Цинюй было расслабленным.

«Расскажи мне об этом».

Теперь, когда они говорили о медицине, у Лу Ваньчэна не было возможности прервать их. Ему было все равно. В любом случае, он остался сидеть на месте хозяина рядом с Линь Цинюй, держа в руках чашку чая и наслаждаясь его вкусом. Именно в таких ситуациях, как эти, нужно казаться как можно более терпимым.

После того как они закончили разговор, Лу Ваньчэн тепло пригласил Чан Яна остаться на ужин. Чан Ян видел, что его присутствие никак не повлияло на Лу Ваньчэна, вместо этого он сам стал чрезмерно напряженным и раздраженным. Как бы ему ни хотелось расставаться со своим шисюном, он все равно отклонил неоднократные приглашения Лу Ваньчэна остаться. Жаль, что он еще не объяснил свой план шисюну. Однако он не должен торопить события. Он

будет продолжать искать другие возможности.

Перед уходом Чан Ян упомянул, что состояние Лу Цяосуна действительно было вызвано истощением почек, и что он прописал соответствующее лекарство.

Линь Цинюй легко сказал: «Лу Нянтао уже знает о наших отношениях как соучеников. Боюсь, что шиди зря выписал этот рецепт».

После ухода Чан Яна аура «благородного сына» Лу Ваньчэна бесследно исчезла. Он зевнул и сказал: «Я так хочу спать. Я собираюсь наверстать упущенный сон».

Линь Цинюй спросил: «Зачем ты пришел сюда и наговорил кучу чепухи вместо своего послеобеденного сна?»

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Разве не для того, чтобы оказать теплое гостеприимство твоему шиди?»

Линь Цинюй не мог понять причину его поступков: «Зачем?»

Лу Ваньчэн лукаво улыбнулся и сказал: «Ах, это великодушие императрицы*, Цинюй. Разве ты не должен сказать, что он совершенно не похож на полевые цветы снаружи**?»

[Примечание: *Он имеет в виду правильного супруга. **Полевые цветы = другие женщины/мужчины.]

Линь Цинюй: «...Нет».

<http://bllate.org/book/15122/1336636>